

КОМНАТА № 13

ГЛАВА 1

Над мрачной аркой в каменной стене было выбито «PARCERE SUBJECTIS». Джонни Грей уже много раз видел эту надпись. В холодную погоду и используя слова, понятные тем, кто был там рядом с ним, он переводил это как «Паршивое место». И было совершенно неважно, что на самом деле это означает «Щадить покорившихся», поскольку покорившимся он не был и щадить его никто не собирался.

День за днем, волоча тяжеленную ручную тележку, они с Лалом Моргоном взбирались вверх по крутому склону; день за днем безучастно смотрели, как рыжебородый охранник вставляет большой ключ в блестящий замок и открывает ворота. Потом они входили внутрь (сначала первый вооруженный охранник, потом они, потом второй охранник), и ворота закрывались.

Ровно в четыре часа Джонни возвращался под арку и дожидался, пока ворота снова откроются и тележку пропустят обратно.

Все здесь, каждое здание, было знакомо ему до тошноты. Вытянутые, вычерненные дартмурскими ветрами арестантские блоки («залы», как их здесь называли); контора начальника тюрьмы с низкой крышей; газохранилище; смахивающая на сарай прачечная; древняя пекарня; двор для прогулок с разбитым асфальтом; уродливая из-за вычурных украшений церквушка; длинные, вытертые до блеска, высокие скамейки с приподнятыми сиденьями для охранников... И кладбище, где наконец обретали покой и долгожданный отдых те, кто отбывал здесь пожизненный срок.

Однажды весенним утром он вышел из ворот вместе с рабочей группой. Они строили гараж, и Джонни назначили помощником каменщика. Эта работа ему нравилась, потому что здесь можно было спокойно поговорить, а ему очень хотелось выслушать все, что Лал Моргон мог рассказать о Великом Печатнике.

— Сегодня поменьше разговоров! — гаркнул охранник, усаживаясь на кучу кирпича, накрытую мешками.

— Да, сэр, — покорно ответил Лал.

Лал был сухим, как палка, мужчиной пятидесяти лет, сидел пожизненно и трезво оценивал свои силы, чтобы понимать, что выбраться на свободу ему уже не суждено.

— Нет, Грей, не за кражу со взломом, — заговорил он, не спеша примащивая кирпич на место. — И не за пальбу, как старик Лег. И не за то, что выставил на дорожку липового Короля Пауков, как ты, Грей.

— Я свой срок получил не за Короля Пауков, — спокойно сказал Джонни. — Я не знал, что Короля Пауков подменили, когда выставлял его на скаковой круг, и что это вообще была другая лошадь. Они специально все это подстроили с Королем, чтобы меня взять. Но я не жалуюсь.

— Я знаю, что ты не виновен... Здесь все ни за что сидят, — успокаивающим тоном произнес Лал. — Я в этой каталажке единственный, кто по-настоящему виновен. Комендант мне так и говорит: «Моргон, — говорит, — у меня прямо душа радуется, когда вижу я осужденного, который тут не случайно, как все остальные, а за дело».

Джонни не стал развивать эту тему. Да и зачем? Тут и спорить было не о чем. Он ведь досконально знал все приемы «работы» на ипподромах и сам был сообщником больших людей, промышленяющих мошенничеством со скаковыми лошадьми. Когда его приговорили к трем годам, он не стал ни спорить, ни подавать апелляцию. Не потому, что был виновен в том, в чем его обвиняли... На то была другая, весьма веская причина.

— Не хочешь, чтоб тебя загребли, — не будь олухом, — с самодовольным видом изрек старик Лал. — На то олухи и нужны, чтоб их загребли... Что сказал старина Кейн?

— Я с ним не встречался, — коротко ответил Джонни.

— Он бы тоже сказал, что ты олух, — удовлетворенно заявил Лал. — Передай кирпич, Грей, и закрой пасть. Видишь, вон штырь ушастый идет.

Приближающийся «ушастый штырь» выглядел не более любопытным, чем любой другой надзиратель, — из кармана торчит ручка дубинки, на боку висит конец потертого ремня.

— Не болтать! — привычно рявкнул он.

— Я всего лишь попросил кирпич, сэр, — кротко произнес Лал. — В этот раз кирпичи-то похуже, чем в прошлый раз были.

— Сам вижу, — сказал надзиратель, посмотрев на кирпич, и с видом профессионала неодобрительно покачал головой.

— Конечно, видите, сэр, — с подобающим восхищением и почтением произнес подхалим, а когда надзиратель пошел дальше, прошептал: — Этот индюк кирпича от газовой печи не отличит. Это он, когда старик Лег обретался здесь, носил ему каждый день письма с воли... Но у старика Лега водились деньжата, ведь это они с Питером Кейном ломанули сейф на «Орсонике» и взяли миллион долларов. Питера тогда так и не поймали, ну а с Легом иначе вышло. Он подстрелил какого-то фараона, за что и получил срок.

Джонни слышал биографию Лега уже сотню раз, но Лал Моргон достиг той жизненной поры, когда каждую свою историю рассказывал будто впервые.

— Поэтому он и ненавидит Питера, — сказал словоохотливый каменщик. — Поэтому они с младшим Легом и хотят с Питером счета свести. А младший Лег — парень не промах. Тридцать лет, кровь кипит, к тому же — лучший в мире фальшивомонетчик. И печатает он не просто банкноты. Печатает он такие банкноты, что эксперты волосы на себе рвут, когда видят его произведения. Они, бумажки эти, от денег, напечатанных Английским банком, вообще не отличаются. Полиция и секретная служба его уже несколько лет ищут, с ног сбились. Но куда там, до сих пор так и не нашли!

День был жарким, и Лал расстегнул свою красно-синюю полосатую робу. Как и у остальных из их отряда, на нем были

грязные короткие желтые штаны, на которых слабо проступал рисунок широкой стрелы, на ногах — желтые гетры с пуговицами. Рубашка у него была из прочного белого хлопка с узкими синими полосками. На голове красовалась шапочка с непонятными буквами, которые каким-то загадочным образом обозначали даты его заключений. Через неделю, когда буквы с шапочки убрали, Лал Моргон сильно обиделся. Так, наверное, чувствует себя солдат, лишенный знаков различия.

— Так ты с молодым Джеффом не встречался? — не спросил, а, скорее, констатировал Лал, шлепнув на кирпич немного строительного раствора и начав его лениво размазывать.

— Я его видел... Но не разговаривал, — мрачно отозвался Джонни, и что-то в его тоне заставило старого заключенного поднять на него глаза. — Это он сдал меня полиции, — сообщил Джонни, и Лал выразил свое удивление кивком, необычайно напоминавшим вежливый поклон. — Не знаю зачем, но точно знаю, что это он меня сдал, — твердо сказал Джонни. — Это он организовал подмену и сделал так, чтобы я выставил лошадь на дорожку, а как только я это сделал, тут же и доложил куда надо. Хотя я тогда и знать не знал, что Король Пауков — это на самом деле Малыш Сондерс, только умело замаскированный.

— Чертов змееныш! — удивленно воскликнул Лал и, похоже, о чем-то сильно задумался. — Весь в отца, Эммануэля Лега. Зачем он это сделал? Ты что, настучал кому-то о его фальшивых бумажках?

Джонни покачал головой.

— Не знаю. Если он и правда ненавидит Питера Кейна, может быть, из мести? Это если ему известно, что я уважаю Питера и... уважаю Питера. Он предупреждал меня насчет людей, с которыми я связался...

— Кончай базар!

На горизонте снова появился надзиратель.

Какое-то время они работали молча. Потом Лал заговорил снова.

— Этот штырь когда-нибудь кого-то повесит, — произнес он голосом, полным смиренного отчаяния. — Это за него мальша Лью Морса отметелили так, что тот чуть концы не отдал, после того как он его в кузнице гаечным ключом приложил. Жаль, что не убил!

В четыре часа рабочая бригада была собрана и двинулась строем, вернее сказать, поплелась по узкой дороге к тюремным воротам. «PARCERE SUBJECTIS». Джонни посмотрел на надпись и хмыкнул. Ему показалось, что арка улыбнулась в ответ. В половине пятого он вошел в свою камеру в глубине тюремного блока, и желтая дверь, металлически лязгнув замком, захлопнулась за ним.

Камера его была довольно просторной, со сводчатым потолком. Цветное сложенное шерстяное одеяло придавало ей оттенок некоторого небрежного изящества. В углу на полке стояла фотография фокстерьера. Собака, повернув красивую морду, с любопытством глядела с карточки. Джонни налил в стеклянную кружку воды и, глядя на зарешеченное окно, выпил ее большими глотками. Скоро должны были принести чай, а потом замок на его двери закроется на восемнадцать с половиной часов. И эти восемнадцать с половиной часов он будет предоставлен самому себе. Пока на дворе было светло, он мог читать — на полке, которая одновременно служила столом, лежала книга о путешествиях. Мог писать на грифельной доске или рисовать лошадей и собак, а мог и решать математические задачи или сочинять стихи... Или думать. Это было самое сложное занятие из всех. Он прошел по камере и снял с полки фотографию в потертой картонной рамке. Улыбнувшись, посмотрел в большие глаза пса.

— Как жаль, что ты не умеешь писать, старина Спот, — сказал он.

Но люди, в отличие от собак, умели и писали, подумал он, возвращая снимок на место. Только Питер Кейн в своих посланиях ни разу не упомянул о Марни, а сама Марни не писала ему с... С очень давних времен. И это настораживало, тревожило, заставляло задуматься и даже наводило на определенные